

Глава 6. Схожие судьбы

Когда Линь Буюй заглянула к Фу Цзяньси, неся в руках блюдо с рыбой, оба парня вовсю хлопотали на кухне: один увлечённо тушил говядину, другой возился с куриными крылышками на решётке.

Линь Буюй поставила белое фарфоровое блюдо на обеденный стол, достала телефон, подключилась к портативной колонке Цзяньси и врубила какую-то бодрую мелодию.

— Рыбу я разогрела! — крикнула она в сторону кухни.

— О, а я-то думаю, чего не хватает! — отозвался Дацзянь. — Конечно, нашей Королевы и её музыки. Эх, благодать... Слушай, в такую погоду нам бы на заднем дворе барбекю устроить, а?

С этими словами он пихнул Цзяньси локтем в спину.

— Ага, подожди, пока ещё потеплеет, — негромко отозвался Фу Цзяньси, не отрываясь от нарезки мяса. — Сейчас на улице такой ветродуй — никакого чили с зирой не надо. Порыв ветра — и всё мясо в песке, пыли и прелой листве. И кому ты потом морду бить пойдёшь?

Из гостиной донёсся звонкий, как колокольчик, смех Линь Буюй.

— Боже, мне каждый раз до зуда хочется снять тебя на видео и слить в чат твоего универа, — крикнула она. — Полюбуйтесь, мол, на нашего первого красавчика. Вся твоя фан-база разбежится в ту же секунду!

— Ужас какой, «фан-база разбежится», — хмыкнул Цзяньси. — Я уж испугался, что ты меня раздеться заставишь.

— Так, мальчики, без демагогии! Мне без разницы, кто из вас раздевается первым. Я сниму всё от и до, обещаю выдать вам цифровую копию в ультра-эйчди и без цензуры. А ну живо, за работу!

Линь Буюй уже стояла в дверях кухни, нацелив на поваров камеру телефона.

Фу Цзяньси и Дацзянь синхронно, с поистине зловещей медлительностью повернули головы, уставившись на девушку и объектив её смартфона. В следующую секунду Цзяньси точным щелчком запустил в неё обрезком моркови, а Дацзянь мигом сорвал испачканную жиром одноразовую перчатку и запустил следом.

— Фу, какие вы нудные! Ещё и дерётесь. Попомните моё слово, я прокрадусь к вам ночью и солью в сеть ваши постельные фото!

Надувшись, Линь Буюй отступила в гостиную и плюхнулась обратно на диван.

Засыпав специи в мультиварку, Фу Цзяньси выложил туда же мясо, выставил режим давления и нажал «Старт». Оставшиеся кубики редьки он смёл в глубокую тарелку и вышел из кухни.

— В пятницу бабушка была дома? — спросил он, усаживаясь рядом с Линь Буюй и устремив взгляд в телевизор.

— Да. Но она не уверена, он это был или нет, — честно ответила подруга. Она слишком хорошо знала Цзяньси, чтобы ходить вокруг да около или пытаться смягчить углы. Сентиментальность была не про него. Когда человек слишком долго предоставлен сам себе, а все близкие один за другим его покидают, лучшим проявлением заботы становится голая правда. — Бабушка Линь выходила на улицу и успела заметить только спину. Высокий, говорит, даже повыше тебя. Вот и подумала на твоего отца.

Линь Буюй искоса глянула на Цзяньси, но его лицо оставалось бесстрастным, словно высеченным из камня.

В их тихом квартале все знали друг друга с пелёнок, так что даже по одному силуэту и походке соседи могли угадать человека с вероятностью в пятьдесят процентов. Фу Тяньюй вымахал почти под метр девяносто — даже чуть выше сына. Для мужчины его лет такой рост сам по себе служил отличной приметой.

— Значит, точно он, — тихо произнёс Цзяньси. Он взял пульт, бесцельно перещёлкнул десяток каналов и в итоге вернул тот сериал, что смотрела Линь Буюй.

— И что планируешь делать? — Дацзянь привалился плечом к косяку кухонной двери, разглядывая сидящую на диване парочку. — Смотри не...

«Не давай слабину», хотел сказать он, но прикусил язык. Всё-таки речь шла о родном отце.

— Объявится на днях, никуда не денется. Подождём, — ровным, почти безжизненным тоном отозвался Фу Цзяньси, хотя он заметно помрачнел.

Линь Буюй перевела взгляд с его профиля на Дацзяня. Тот лишь беспомощно развёл руками, безмолвно давая понять: «Я тут бессилен».

За ужином они на удивление не пререкались. Никаких придирок со стороны Линь Буюй, никакого привычного паясничанья от Дацзяня и язвительных подколов от Цзяньси. Царила такая оглушительная, торжественная тишина, словно они собрались в затерянном горном монастыре на вкушение пресного риса. Казалось, задержись они за столом ещё на полчаса — и все трое дружно впадут в нирвану.

Субботняя ночная смена у Фу Цзяньси выдалась на редкость сонной. В частном погребке, за который он отвечал, не было почти ни одного заказа. Заметив, что парень откровенно мается от безделья, управляющий Лю Цзинжуй отправил его дезинфицировать стеллажи. Хэйпи, проходя мимо, не упустил случая всласть поглумиться над чужой бедой.

Сдав смену в шесть утра, Цзяньси по привычке заглянул в закусную у реки Циньхэ и взял завтрак на двоих.

Дома его встретил Дацзянь: взъерошенный, сонный, он шлёпал из спальни в стоптанных тапочках, отчаянно пытаясь сфокусировать блуждающий взгляд.

Фу Цзяньси оставил пакеты на столе, поднялся к себе умыться и переодеться в домашнее. Вернувшись вниз, он с удивлением обнаружил, что друг уже аккуратно разложил еду по тарелкам. Выглядело это весьма прилично.

— Даже ничего не пролил. Прямо не верится, аж не по себе как-то, — съязвил Цзяньси.

— Бля, тебе с утра пораньше зубы жмут? Так и скажи, я мигом дефект исправлю, — пробурчал Дацзянь, зажав в зубах пончик-ютя и сердито вскинув бровь.

— О, зрение вернулось. А то когда ты выполз из спальни, вылитый зомби был из дешёвого хоррора... Эй, ты чего дерёшься?!

Договорить Цзяньси не успел: Дацзянь с размаху приложил его масляным пончиком по предплечью, оставив на бледной коже жирный след. В долгу хозяин дома не остался — макнул указательный палец в соус от тофу и хладнокровно щелкнул им через стол прямо другу в лицо.

— Твою мать, Цзяньси! Ты хоть знаешь, сколько стоит это лицо?!

Дацзянь судорожно выдернул салфетку, пытаясь оттереть щеку. Эту снайперскую меткость он знал ещё с детства. Если у Фу Цзяньси в руках оказывалось хоть что-то, он бил без промаха — хоть руками, хоть ногами. Помнится, в средней школе во время уличных драк любой кирпич или щебень под ногами Цзяньси превращался в смертоносное оружие. Те, кому прилетало, помнили это до сих пор.

— Твоя физиономия здесь котируется максимум на миску тофу и один пончик. Итого — два с половиной юаня. В копейках это двести пятьдесят. Как раз твой диагноз, — парировал Цзяньси.

— Сука, ну и язык у тебя подвешен!

Дацзянь чувствовал, что его знатно умыли, но сдержать смех всё равно не мог — глупее ситуации не придумаешь. В итоге он прыснул, едва не подавившись пончиком, и зашёлся в

таком хохоте, что затряслись плечи.

Цзяньси легонько пнул его под столом и сам не выдержал. В следующую секунду оба парня, давясь завтраком, самозабвенно ржали, словно их одновременно поразила какая-то неведомая щекотка.

Фан Юй выезжал из старой усадьбы Виллы Западных гор, лихорадочно соображая, где достать обещанный племяннику набор динозавров. Вчера он сдуру пообещал Фан Ци купить целую коллекцию, но сам понятия не имел, в каких магазинах искать подобные игрушки. Впрочем, у него был человек, который точно знал ответы на такие вопросы. Он набрал номер, и на втором же гудке трубку сняли.

— Завтракал уже? Могу угостить, — спросил Фан Юй, следя за дорогой. Утреннее солнце мягко очерчивало его точёный профиль, сглаживая обычно резкие, холодные черты лица.

— Я в гонконгском ресторанчике у реки Циньхэ, — донёлся бодрый голос Мэй Цзюня. Похоже, тот бодрствовал уже давно. — Только-только проводил одну компанию. Давай сюда, за компанию ещё раз перекушу.

— Только выехал от Западных гор, буду минут через десять, — ответил Фан Юй и перестроился в правый ряд для поворота к набережной Циньхэ.

С Мэй Цзюнем они сошлись ещё в детском доме. Восьмилетний Мэй Цзюнь тогда верховодил местной шпаной. Маленький Фан Юй, попав туда в возрасте семи лет, дичился всего вокруг, содрогаясь от страха перед незнакомым, враждебным миром. Воспитательницы в один голос твердили, что у мальчика аутизм или какое-то психическое расстройство — достучаться до него было невозможно. Слава богу, он хотя бы мог сам себя обслуживать, иначе его давно упекли бы в специализированный интернат для инвалидов.

Замкнутый, вечно напуганный ребёнок быстро стал мишенью для насмешек и издевательств со стороны старших мальчишек.

Но у Мэй Цзюня, вожака детдомовской мелюзги, уже тогда имелись чёткие понятия о чести — такие же, какими он руководствуется сейчас, будучи вторым человеком в кредитной конторе своего приёмного отца. Увидев новенького в первый раз, оборвыш Мэй Цзюнь бесцеремонно заявил: «О, симпатичный какой. Будешь моей девчонкой, я тебя в обиду не дам». Фан Юй промолчал, а малолетний авторитет счёл это за знак согласия.

С тех пор у Фан Юя появился заступник, а вместе с ним — и первый настоящий друг. В самые тёмные времена один-единственный человек способен вытащить тебя из бездны отчаяния. Фан Юй никогда этого не забывал: тот год, проведённый бок о бок с Мэй Цзюнем, определил всю его дальнейшую жизнь.

Толкнув стеклянную дверь ресторана, Фан Юй сразу заметил друга. Тот развалился на стуле

у панорамного окна.

— Батюшки, неужто благоверная наконец вспомнила про меня? — шутливо запричитал Мэй Цзюнь, намеренно растягивая слова приторным голоском. — А я тут сижу, всеми позабытый, замерзаю от одиночества.

— Заткнись, у меня аж мурашки по коже поползли, — хмыкнул Фан Юй, отодвигая стул напротив. — Услышит твоя настоящая благоверная — обоим головы оторвёт.

Он окинул взглядом заставленный тарелками стол. Перед Мэй Цзюнем остывала лишь чашка пуэра, к которой тот едва прикоснулся. Фан Юй подцепил палочками пышную паровую булочку чашаобао со свининой и переложил другу на тарелку.

— С кем ты тут спозаранку встречался?

Мэй Цзюнь проигнорировал палочки, взял булочку прямо пальцами и откусил добрую половину.

— Да с кем же ещё — со старейшиной Мэй. Видишь ли, у него скопилась куча старых долгов, спать дед не может. Вот и вытащил меня сюда ни свет ни заря, в пять утра. Всю плешь проел под этот свой пуэр, у меня аж под ложечкой сосёт. Еле спровадил, наказание какое-то, — он устало прикрыл глаза и принялся массировать виски.

— Рассказывай сказки. С твоей-то комплекцией борца — и «под ложечкой сосёт»? — поддразнил его Фан Юй.

— Ладно тебе. Ты ведь не просто так примчался?

Мэй Цзюнь сменил тему. Он знал, что сейчас, пока Фан Циня нет в городе, Фан Юй крутится как белка в колесе: разрывается между делами компании и заботой о племяннике и пожилom дяде. Каждая минута на счету.

— Фан Ци вчера устроил истерику. Пришлось пообещать ему полный набор фигурок динозавров, чтобы уложить спать. Спроси у жены, где такие водятся?

Пока они разговаривали, Фан Юй успел прикончить добрую половину закусок.

— Эй! Оставь хоть это! Мне ещё расти надо, а ты уже вымахал, не переводи продукты, — в шутливой панике Мэй Цзюнь придвинул к себе бамбуковую пароварку со шпинатными димсамами с креветками. — К слову о мелком... Фан Цинь с женой возвращаться вообще думают? Что за цирк они устроили? Твой брат о чём-то догадался?

Мэй Цзюнь понизил голос, внимательно следя за реакцией друга.

Фан Юй отложил палочки и неторопливо сделал глоток чая.

— Дело не в том, догадался он или нет. У меня от него никогда не было секретов.

Он произнёс это самым обыденным, ровным тоном, но промелькнувшую в его глазах тень Мэй Цзюнь уловил безошибочно.

Они знали друг друга слишком хорошо, чтобы разыгрывать комедию и прятать истинные чувства.

— Эх, Фан Юй, ну что ты за трус такой, — сокрушённо вздохнул Мэй Цзюнь. — В делах ты тигр, любого готов сожрать, а как заходит речь о брате — сразу сдуваешься. Тьфу на тебя...

Он махнул рукой и махом осушил чашку пуэра, словно это была стопка водки.

— Ладно. Наберу жене, пускай выберет самый лучший набор. Заедешь к ней и заберёшь.

Мэй Цзюнь тяжело вздохнул.

— А сам домой не собираешься? — Фан Юй посмотрел на поникшего друга, который, похоже, устал настолько, что не мог даже выпрямиться.

— Жду отмашки от парней. Надо сегодня одну тварь прижать, — процедил Мэй Цзюнь, и в его глазах на мгновение вспыхнула нехорошая, хищная искра. Он скрежетнул зубами.

— Крупный долг?

— Чистыми — меньше миллиона. Но эта сука бегает уже года четыре, с процентами там набежало прилично. Из-за этого говнюка старик каждый год устраивает мне разнос при сверке счетов. Дед совсем сдал, мягкий стал под старость лет. Будь я моложе, давно бы шкуру с этого ублюдка спустил и в бочке с засолкой сгноил.

— Имущества за ним нет?

— Официально — гол как сокол, всё переписано. Законными методами с него хер что возьмёшь, — Мэй Цзюнь шумно выдохнул. — Мразь конченная. Жена сбежала, на сына он забил с прибором. Когда его родители померли, мы караулили эту гниду прямо на похоронах — так он даже попрощаться не явился, побоялся шкуру потерять. Вот смотришь на такое дерьмо и думаешь... Мы, детдомовские, всю жизнь без родителей мыкались, а тут... Тварь, просто тварь

пришибленная. Руки чешутся закопать его где-нибудь, — сплюнул Мэй Цзюнь, с отвращением отворачиваясь к окну.

— Погоди. Что значит «переписано»? У него сын остался? — Фан Юй задумчиво пригубил чай, вникая в запутанное дело.

— Сяо Цзю раскопал, что покойный старик отписал дом напрямую внуку, в обход этого придурка. Тот развёлся после четырёх лет брака, бывшая жена снова выскочила замуж, её трогать не по понятиям. А на пацана отцу плевать, он к нему и не совался никогда. Дед с бабкой, видать, понимали, что сынок у них конченный, вот и подстраховали внука, оставили ему крышу над головой. И что нам с этим делать? Против пацана воевать? Должник годами шляется по другим провинциям, на одни его поиски уходит больше, чем вся прибыль с процентов. Если совсем прижмёт, придётся как-то через этого мальчишку решать. На него оформлен коттедж у реки Циньхэ, миллиона три точно стоит. Сука, чувствую себя последней тварью из-за этого...

Мэй Цзюнь замолчал, он помрачнел, а в глазах застыла глухая тоска.

Оба они выросли без родителей и, сколько бы дерьма ни повидали в своей полубандитской жизни, никогда не поднимали руку на незащитных сирот. Для них сделать больно ребёнку, брошенному всеми на свете, было всё равно что вонзить нож в собственное сердце. Они сами прошли через этот ад одиночества и слишком хорошо знали вкус чужого безразличия.

Фан Юй прекрасно понимал, какие кошки скребут на душе у Мэй Цзюня. Те, кто познал горечь утраты семьи в раннем детстве, острее других тянутся к теплу родного очага. И видеть, как живые, здоровые родители превращают жизнь собственного ребёнка в ад, делая его заложником своих грязных долгов...

Что это было? Ярость? Бессилие? Или неизбежность грязной работы?

Наверное, всё вместе разрывало Мэй Цзюня изнутри.

Пока они молчали, к столику подошёл худощавый парень.

— Брат Мэй, выдвигаемся? — негромко спросил он. — Сяо Цзю засёк объект.

— А? — Мэй Цзюнь словно очнулся от тяжёлого сна. Он медленно выпрямился и уставился на пришедшего: — Где он?

— В жилом комплексе Циньхэ.

— Едем. Скрутить и доставить. Не расплатится — отправим на плантации в Юго-Восточную Азию отрабатывать, суку. Если я этого ублюдка не проучу, грош мне цена как авторитету!

Мэй Цзюнь в ярости хлопнул ладонью по столу и резко поднялся.

— Я с тобой, — Фан Юй тоже встал, заметив глубокую усталость на лице друга.

Их судьбы были поразительно похожи, оттого они и понимали друг друга без лишних слов. Фан Юй звался приёмным сыном семьи Фан, но если отбросить красивую обёртку, он был лишь телохранителем, помощником и тенью Фан Циня. Мэй Цзюнь официально считался приёмным сыном старейшины Мэй, но на деле оставался послушным орудием, вышибалой и цепным псом.

Оставив свой внедорожник на стоянке у ресторана, Фан Юй сел в машину к Мэй Цзюню. Когда они свернули к набережной Циньхэ, он наконец сообразил, о каком месте шла речь. Это был так называемый посёлок переселенцев — не совсем элитные виллы, скорее благоустроенные коттеджи, построенные несколько лет назад. Тем не менее земля здесь стоила дорого, район считался престижным, да и сами дома выглядели крепкими и ухоженными. Такую недвижимость на торгах оторвали бы с руками.

Пока Фан Юй мысленно прикидывал расклады для друга, у Мэй Цзюня зазвонил телефон.

— Говори, — бросил он в трубку. Он нахмурился, а его лицо превратилось в ледяную маску. — Значит, зажмём его прямо в доме.

В голосе Мэй Цзюня сквозило глухое, ничем не прикрытое раздражение.

Машина затормозила у боковых ворот жилого комплекса. Мэй Цзюнь повернулся к Фан Юю:

— Дальше не ходи. Ты у нас солидный гендиректор, несолидно тебе в таких разборках светиться. Жди здесь. Мы просто заберём этого урода и уедем, посторонних не тронем. И не надо так на меня смотреть, не собираюсь я махать кулаками, староват уже для этого.

Не дожидаясь ответа, он распахнул дверцу и вышел. К нему тут же присоединились двое парней, дежуривших у входа. Впятером они решительным шагом направились в глубь квартала.

Проводив взглядом удаляющуюся компанию, Фан Юй секунду поколебался, а затем тоже выбрался из машины и неторопливо пошёл следом. Не то чтобы он всерьёз опасался, что Мэй Цзюнь сорвётся, просто сидеть в душном салоне было чертовски скучно.

Найти цель оказалось проще простого. Процессия во главе с Мэй Цзюнем шествовала по чистеньким улочкам с таким зловещим пафосом, словно банда коллекторов шла брать штурмом притон. Остановившись перед одной из аккуратных двухэтажных построек, они сверились с адресом. Сначала кто-то нажал на звонок, но, не дождавшись ответа, парни принялись бесцеремонно колотить по полутораметровым железным воротам.

Фан Юй как раз подошёл ближе, когда тяжёлая входная дверь коттеджа распахнулась. На крыльцо вышли двое рослых молодых парней. На их лицах читалось крайнее, граничащее с бешенством недовольство. Рассмотрев тех, кто стоял во дворе, Фан Юй мысленно выругался. Ну надо же было так вляпаться.

— Хватит долбить, уроды! Ещё раз ударите — руки поотрываю! — рявкнул Дацзянь.

Растрёпанный, злой, он замер на верхней ступеньке крыльца, даже не думая спускаться во двор. В одной руке он держал надкусанное яблоко, в которое было по рукоять вонзено лезвие ножа.

— Полегче, парень, — вполне миролюбиво отозвался один из амбалов Мэй Цзюня, хотя его свирепая физиономия мало подходила для светских бесед. — Нам нужен Фу Тяньюй. Позови его, и мы уйдём.

— Кто? Фу Тяньюй? — Дацзянь издевательски хмыкнул. — Если найдёте эту падлу, нам тоже свистните. Мы его сами обыскались.

Он хотел добавить что-то ещё, более забористое, но Фу Цзяньси мягко, но властно положил ладонь ему на плечо, заставляя замолчать.

— Его здесь нет. Проваливайте туда, откуда пришли, — Цзяньси сделал полшага вперёд.

Он стоял, небрежно засунув руки в карманы брюк, но его пронзительный, ледяной взгляд не предвещал незванным гостям ничего хорошего.

Вся эта публика вызывала у него глухое, kloкочущее отвращение. Он слишком хорошо помнил похороны дедушки: растоптанные траурные венки, сорванные ленты, грязную брань прямо у гроба...

— Слышь, ты как разговариваешь? — из-за спин амбалов вынырнул поджарый, юркий мужчина. На классического вышибалу он похож не был, скорее на матёрого жожака уличной шоблы. — С тобой по-человечески пытаются, а ты борзеешь. Сказал «нет» — и мы должны поверить? Вот зайдём, проверим, тогда и видно будет.

— Попробуй, — выплюнул Фу Цзяньси.

Он даже не шелохнулся, но его взгляд стал ещё более колючим и опасным. Парень напоминал матёрого волка, зажатого в угол, но готового перегрызть глотку любому, кто ступит на его землю.

— Бля, ну всё, вежливость кончилась, — процедил жожек и скомандовал стоящим позади амбалам: — Ломайте ворота!

Верзила, что до этого колотил в калитку, легко перемахнул рукой через полутораметровые прутья решётки и рванул засов изнутри. С металлическим лязгом створки распахнулись, и четверо громил уверенно шагнули на территорию двора.

<http://bllate.org/book/18325/1758582>